

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Куделко С. М., Посохов С. И. Абстрактные понятия в историческом исследовании (Некоторые замечания к методологическим исканиям конца XX в.) // Проблеми історії та методології історичної науки. Харківський історіографічний збірник. – Харків: Бізнес Ін форм, 1998. – Вип. 3. – С. 15 – 22.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

С. М. КУДЕЛКО, С. И. ПОСОХОВ

АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

(НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К МЕТОДОЛОГИЧЕСКИМ ИСКАНИЯМ КОНЦА XX В.)

Никогда нельзя априори решить, идет ли речь о чистой игре мысли или о научно плодотворном образовании понятия, здесь имеется один масштаб: успех познания конкретных явлений культуры в их взаимосвязи, их причинной обусловленности и их значении.

Макс Вебер

Теоретическое познание — как процесс опосредованного получения нового знания (то есть не опытным путем) — подразумевает преобразование фактических данных с помощью логических операций. Результатом этого уровня познания выступают логические конструкции, позволяющие судить о существенных связях и отношениях между различными сторонами исторической действительности, что в конечном итоге ведет к формулированию законов исторического развития и собственно позволяет говорить об истории как науке (номологической, а не идеографической).

Большую роль в ходе теоретических построений играют абстрагирование, идеализация (как мысленное доведение свойств изучаемого объекта до своего предела), а значит, и абстрактные понятия, которые отражают не только взятые как отдельные объекты мысли, свойства и отношения предметов, но также и идеализированные (идеальные) объекты мысли, порожденные самой мыслью.

Как известно, в силу этого восприятие абстракций было и остается неоднозначным. Спор Платона и Диогена затянулся во времени. Хотя «диагноз» поставил уже Платон: «У тебя есть глаза, которыми ты можешь увидеть и стол, и чашу, а вот ума, чтобы увидеть столтность и чашность, не хватает» [1, с. 158]. Прошли века, но не менее однозначно, в духе Диогена, высказался по поводу абстрактных понятий американский философ XX в. Ч. Моррис: «Те термины, — писал он, — которые не могут быть проверены наблюдением, не могут рассматриваться как предмет специального исследования, и даже если они возникают где-то еще, то проблема их рассмотрения — это не дело научного исследования» [Цит. по: 2, с. 11].

Усвоение, а затем активное использование марксизма как идеологии привело не только к тому, что ряд абстракций превратился в набор догматических аксиом, но и, по сути, к отождествлению их с действительностью. Они утратили (прежде всего в общественном сознании) элементы идеального, что создавало трудности в оперировании ими как познавательными орудиями. Но тем более удивительно нынешнее требование, чтобы абстракции (в частности, формации)

вмещали в себя все многообразие действительности (в противном случае они не достойны существования!), либо требование, чтобы единичное стало мерилом общественного бытия (то есть ограничиться элементарным сравнительным анализом). И в том, и в другом случае нам пришлось бы отказаться от огромных познавательных возможностей абстрактных понятий как мыслительных конструкций, созданных с целью упорядочения наших представлений о мире.

На сегодняшний день в литературе по философии науки все более определенно звучит тезис о том, что объективный мир является не только «открываемым», но и «конструируемым» в процессе познания. А значит, единственным критерием пригодности абстракции выступает ее познавательная ценность. Как здесь не вспомнить Макса Вебера с его «идеальными типами», которые «получаются односторонним усилием одного или нескольких аспектов и соединением всей полноты диффузно и дискретно, здесь больше, там меньше, зачастую вовсе не имеющих отдельных явлений... в единую непротиворечивую в себе мысленную картину... которая нигде в действительности эмпирически не обнаруживается, она — утопия, а для исторической работы встает задача установить в каждом отдельном случае, как близко или далеко отстоит действительность от этой идеальной картины...» [3, с. 117-118]. По Веберу, «идеальные типы» аналогичны идеальным моделям естествознания и «возможно, встречаются в реальности так же мало, как физические реакции, вычисленные только при допущении абсолютного вакуума». Таким образом, «идеальный тип» оказывается не целью, а средством познания, средством выявления специфики изучаемого явления и установления формально общего. Насколько близко последнее к существенному — являет собой следующий этап теоретических построений и изначально есть спорным вопросом. Думается, в ответе на этот вопрос проявляется не только самый общий (философский) взгляд на мир, но и находит свое выражение тот тип научности, который характерен для данного времени.

Отношение к абстракциям в ходе познавательного процесса проиллюстрируем на примере дискуссий, которые велись в последнее время вокруг понятий «формация» и «цивилизация». Начнем с понятия «формация». Несмотря на то что, казалось бы, за последние 10-15 лет произошли кардинальные изменения в оценке познавательной ценности этого понятия, на деле сталкиваемся с теми же методологическими основаниями.

Скажем, чем отличаются утверждения марксистских критиков Вебера о том, что «многочисленные попытки истолковать категории марксизма как «утопии», «фикции» неразрывно связаны с извращением важнейших положений марксистского обществоведения» [4, с. 111], от аргументов теперь уже критиков марксизма, отвергающих формационный подход в связи с тем, что все многообразие мира нельзя свести к формационным характеристикам (как образно высказался один из таких авторов, неадекватность «пятичленки» всемирно-историческому процессу напоминает «детскую одежду, натягиваемую на взрослого человека» [5, С. 35]. И в том, и в другом случае «формации» отказано быть абстракцией в полном смысле этого слова, она суть воплощение исторической действительности. Налицо традиционное для советской историографии стремление

подменять абстракцию «формация» более конкретной «классической (чистой) формой», которая «зримо» выходит из исторической действительности, то есть является ни чем иным, как старым позитивистским «эталоном»*. Именно эту «классическую форму», например, европейского феодализма не просто приложить к Востоку, именно эти теоретические взгляды вошли в идеологию и политическую практику под лозунгом «делай, как мы». В свое время указанное стремление подменить абстракцию конкретной действительностью не только было замечено, но и истолковано как одна из главных, причем позитивных, отличительных черт марксистской методологии: «самое важное в анализе познавательной функции классических форм заключается в их объективном статусе, то есть в том, что они избавляют исследователя от необходимости субъективного конструирования форм наподобие «идеальных типов» и, следовательно, от неизбежного импрессионизма и субъективизма» [8, с. 109]. Хотя сразу же следует заметить, что сам М. Вебер считал, что идеальный тип — это утопия, или фантазия, — но ориентированная на действительность, как сознательно одностороннее усиление и обобщение наблюдаемых, то есть реальных, явлений со специфической точки зрения [3, с. 130].

Результатом сомнений в познавательной ценности формационных построений стал в последние годы повышенный интерес к цивилизационному подходу. Однако, несмотря на многочисленность публикаций на эту тему, до сегодняшнего дня так и не определено, что же такое «цивилизация»: способ существования человеческого разума во Вселенной, определенный этап всемирно-исторического развития, обозначение региональной общности людей или что-то еще. Позволим себе не согласиться с теми авторами, которые считают, что именно многозначность понятия «цивилизация» позволяет использовать его в качестве эффективного инструмента познания нынешнего сверхсложного, многомерного мира [9, с. 87 и др.]. За терминологической путаницей стоит, как правило, путаница концептуальная. Неудивительно, что даже некоторые видные историки, начав с требования превратить понятие «цивилизация» в ведущую (высшую) парадигму исторического познания, в итоге выводят его из более общего понятия «общественный способ производства» [10, с. 72 и др.], а применительно к типам цивилизаций используются такие понятия, как «доиндустриальная», «индустриальная (буржуазная)» [10, с. 78]. Не имея возможности абсолютно отвергнуть познавательную ценность формационного подхода, что само по себе весьма симптоматично, некоторые авторы высказали мысль о необходимости сочетания формационного и цивилизационного подходов на основе принципа дополнительности. При этом прозвучала критика имевшего ранее способа соединения этих позиций, когда цивилизационный подход выступал по существу лишь как дополнение и конкретизация формационного [9, с. 97]. Было указано,

* При том, что в советской историографии теория «эталонов» была объявлена безнадежно устаревшей и научно несостоятельной [см., напр.: 6, с. 13 и др.], указывалось, что выделение «классической страны» имеет принципиальное значение для историка-материалиста, ибо иначе получается «общество вообще, пустая абстракция» [7, с. 82-83].

что цивилизационный подход должен осуществить такого же рода методологическую процедуру, какую совершила физика А. Эйнштейна по отношению к физике И. Ньютона: концепция цивилизации включает в себя формационный подход как свой особый случай [11, с. 46]. Напомним, однако, что общенаучный принцип дополнительности, сформулированный Н. Бором, исключает возможность абсолютизации какой-либо одной точки зрения на предмет исследования. И в этом смысле право на существование имеет и первый вариант соподчиненности.

Удивляет стремление ограничиться тем или другим «высшим» понятием (то есть либо «формация», либо «цивилизация»), в то время, как, на наш взгляд, эти понятия выражают известное единство «прерывности» и «непрерывности». «Формация» — это инструмент для постижения стадийности исторического процесса (если вспомнить К. Маркса, то у него «формации» и терминологически выступают как «прогрессивные эпохи»). «Цивилизация» — понятие, способствующее изучению преемственности (прежде всего культурной), процесса наследования опыта, традиций, знания (как в локальном, региональном, так и во всемирном масштабе). Пытаться понятием «цивилизация» выразить стадийность — то же, что вливать воду в решето. Аналогично происходит с «формацией», когда мы пытаемся втиснуть культурное многообразие в прокрустово ложе четких формационных характеристик. И в первом, и во втором случае понятие должно выступать прежде всего орудием познания, а, как известно, выбор определенного орудия труда из некоего множества зависит и от предмета труда, то есть, как и указывал М. Вебер, абстрактные понятия («идеальные типы») должны выступать не целью, а средством познания.

Предлагаемое Вебером отношение к абстракциям позволяет создать такие конструкции, которые в приложении к действительности, на наш взгляд, дают возможность решить «трудные» на сегодняшний день теоретические (и практические) проблемы.

В этом плане формационный подход и само понятие формации далеко не исчерпали своих возможностей, в том числе для определения глобальных тенденций общественного развития.

Постараемся показать это на примерах. В публицистической, да и научной литературе весьма распространенным стал взгляд на социализм как на тупиковую ветвь общественного развития, как на попытку воплощения утопии в жизнь. Не говоря уже об антиисторизме такого взгляда, он вступает в логическое противоречие с такими фактами, как существование общественных систем этого типа в течение нескольких десятков лет (и это при условии ускоряющегося исторического процесса), охват ими сотен миллионов людей, ряд существенных достижений в различных сферах.

Понимание социализма как формации позволяет увидеть как историческое место ряда общественных форм, так и проследить некоторые тенденции общественного развития. Уход с исторической сцены социализма (далее будем называть его «государственным социализмом», поскольку огосударствление всех

сфер жизни такого типа обществ является, по нашему мнению, их существенной чертой и должно изначально присутствовать на понятийном уровне) без особого труда в рамках теории формаций объясняется противоречиями между развившимися производительными силами (в состав которых, как известно, входит и человек со своими знаниями, умениями, навыками) и отсталыми производственными отношениями.

При более общем подходе к истории человечества государственный социализм выступает своего рода аналогом рабовладельческой формации, которая открыла собой новую полосу истории, но скорее была нетипичной, своего рода исключением, нежели правилом (во всемирно-историческом масштабе большинство человечества ее миновало).

Рабовладельческая формация, мало чем отличаясь от следующей феодальной* (разница заключается в степени внеэкономического принуждения производителя: в первом случае — раба, во втором — зависимого крестьянина), соотносится с теми обществами, где массовый труд рабов при относительно низком уровне производительных сил мог обеспечить получение значительного прибавочного продукта. Вряд ли кто-то сегодня назовет рабовладельческую формацию тупиковой. Однако понимание ее исторического места также еще не достигнуто. Не случайно в литературе можно встретить предложения, с одной стороны, взять за основу при построении ее модели древний Ближний Восток, так как первая классовая формация зародилась именно там, а с другой стороны, указывается, что Древний Восток вряд ли можно вообще считать рабовладельческим [5, с. 36].

А чего стоят, например, рассуждения о том, что рабство было в одинаковой степени присуще также и феодализму, и капитализму, но труд рабов не определял характер ни одного из обществ [12, с. 4]. Это и есть типичные примеры смещения действительности и абстракции. Ибо, как и любая абстракция, «рабовладельческая формация» строится на усилении такого признака, как рабская форма зависимости. Мы не будем оспаривать определенную гиперболизацию этого признака древнейших классовых обществ. Но, в отличие от цитируемого автора, считаем этот признак системообразующим. Доказательством тому выступает тенденция развития рабовладения как общественного института, а также тот неоспоримый факт, что наибольшие достижения характеризуют те государства рабовладельческой эпохи, где рабство получило наибольшее развитие.

Придание рабовладельческой формации статуса невсеобщего, в определенном понимании нетипичного, позволяет взглянуть на нее как на вариант доиндустриальной стадии. Именно в этом случае возникает понимание ее

* Именно сходство, и даже неразрывное единство этих двух этапов в истории человечества привело к возникновению понятий «доиндустриальное общество», «традиционное общество» и т. д., охватывающих добуржуазную стадию общественного развития.

как закономерного явления и обретают историческое место те формы, которые не обладали «чистыми» признаками рабовладельческой формации*.

Подобным образом (как мы это делали применительно к рабовладельческой формации) можно рассуждать и по отношению к государственному социализму. Именно его «нетипичностью», среди прочего, можно объяснить те споры, которые ведутся и которые в значительной мере обусловлены живучестью прежней посылки, что «столбовая дорога истории» заключается в полном прохождении общественно-экономических формаций [7, с. 78 и др.].

Как уже отмечалось, одной из черт данной формации является огосударствление всех сфер общественной жизни (что было вызвано ликвидацией частной собственности при относительно низком уровне развития производительных сил). Этот признак выступает системообразующим. Конечно, рассуждать по этому поводу пока сложно, ибо следующая формация пока еще не проявилась в полной мере. Но тем не менее уже сегодня, на наш взгляд, имеются основания рассматривать капиталистическую формацию как поворотную (и в этом случае тоже нетипичную, но нетипичную в другом смысле: она не имеет для себя «парной» формации), — разделяющую «царство бытия», «доиндустриальную эпоху» (по терминологии других — «цивилизации, в которых господствует фактор объективной необходимости» [10, с. 74]) и эпоху нового времени, — «царство разума», — характерной чертой которого, по выражению Ортеги-и-Гассета, выступает «восстание масс», претендующих на более высокую общественную роль [13].

Новой постбуржуазной (постиндустриальной) эпохе присуща иная функциональная связь между основными формационными элементами: надстройка в значительной мере берет на себя функции определяющего звена. Но если на этапе государственного социализма это политические структуры, то следующая формация, видимо, будет связана с определяющей ролью науки (что и позволяет,

* Традиционно исследователи указывают на восточные общества, как на не поддающиеся формационной типизации. Различия между Западом и Востоком возводятся в абсолют. При этом доказательства в ряде случаев весьма сомнительны. Как пример можно привести тезис из статьи Л. Васильева о том, что «элементы античной структуры после крушения Рима в синтезе с христианством способствовали формированию в средневековой феодальной Европе основ рыночно-частнособственнической структуры», в то время как на Востоке автор видит лишь «квазирыночные» и «квазичастнособственнические» отношения, поскольку они были лишены гарантий собственности, правового обеспечения рынка [12, с. 3-4]. Во-первых, как известно, христианство является продуктом восточного общества; во-вторых, говорить о правовых гарантиях собственности вплоть до буржуазных революций на Западе так же сложно, как и относительно Востока; в-третьих, к торгово-ростовщическим кругам средневековой Европы (к слову, гонимых!) принадлежали чаще всего представители именно восточных народов: в разные эпохи это были арабы, евреи, армяне. Европейский фольклор многих стран сохранил нам образ индийского или персидского кушца, а Багдад, Бомбей и другие восточные города представлялись как сказочно богатые центры ремесла и торговли. Многочисленные находки кладов восточных монет в различных частях света свидетельствуют, что эти представления имели под собой реальную почву.

среди прочего, увидеть ее начало в середине XX в. в связи с развертыванием НТР). Все это не что иное, как результат процесса рационализации общественной жизни, на который давно и небезосновательно указывали многие философы. К слову, у того же М. Вебера социализм выступает вариантом всемирно-исторического процесса рационализации [3, с. 160]. Вычленение науки как системообразующего признака* позволяет увидеть характерные черты нашего времени, — времени крушения государственного социализма и становления следующей формации, видимо, всеохватывающей, типичной, характерной.

Глубокие структурные изменения в западном обществе (как под влиянием исхода борьбы внутри его, так и общественно-политических перемен в мире, НТР и других факторов) на наших глазах приводят его к новому качественно-му состоянию. В рамках теории ОЭФ эту стадию можно характеризовать как новую формацию. Государственный же социализм со временем оказался на обочине столбовой дороги исторического развития и примерно с 70-х гг. XX ст. из авангарда человечества стал превращаться в тормоз общественного прогресса. Человечество в целом оказалось способно перейти к более высокому этапу минуя государственный социализм, то есть непосредственно от монополистического капитализма. Механическое понимание государственного социализма как вектора всеобщего развития оказалось заблуждением, несостоявшейся претензией.

Исходя из сказанного можно утверждать, что современное возвращение к частной собственности не будет тотальным. Этап ее апофеоза в мировой истории уже прошел, в том числе благодаря «крайностям» государственного социализма, который ускорил проведение реформ в западном обществе. И чем больше сегодня в странах бывшего социалистического лагеря будет забеганий дальше, чем это общественно необходимо при проведении реформ, тем масштабнее окажутся контрреформы. Что касается рыночных отношений, то их широкое использование также не может быть скольконибудь длительным в силу их неэффективности при решении тех современных проблем, которые выступают как судьбоносные для человечества. Все эти тенденции проявляются сегодня, но еще более зримо проявятся в недалеком будущем.

Пока же можно достаточно твердо констатировать крушение всеислия государства. В современной жизни и западных, и восточных обществ наблюдаются неуклонное ослабление мощи государства и сокращение сфер действия государственной машины, дальнейшие шаги по направлению к общественному самоуправлению («гражданскому обществу» и т. д.). Магистральной линией нового этапа вырисовывается переход от идеологизированного мышления к научному, замена экономического принуждения внеэкономическим (на основе «внутренних» побуждений, а не государственного принуждения).

* Предвидя возможные обвинения в scientизме, укажем, что нам далек взгляд на науку как «панацею» от всех грядущих бед и, соответственно, на общество будущего как на беспереблемное.

Таким образом, терминологические споры последних лет подводят нас к выводу, что ответы на насущные вопросы современности нужно искать не в отказе от достигнутого философской и общественно-политической мыслью, а в творческом применении этих наработок.

1. Антология кинизма. — М., 1984.
2. Поляков И. В., Пазельский В. В. Интерпретация: область определения и формы функционирования // Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. — Новосибирск, 1986.
3. Патрушев А. И. Расколдованный мир Макса Вебера. — М., 1992.
4. Капустин Б. Г. Концепция идеальных типов М. Вебера и познание многообразия исторической действительности // Философские науки. — 1981. — № 1.
5. Алясов Л. Б. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. — 1989. — № 10.
6. Илюшечкин В. П. Общее и особенное в развитии добуржуазных классовых обществ // Социальная и социально-экономическая история Китая. — М., 1979.
7. Бенедиктов Н. А. Исторический процесс: единство и многообразие. — Красноярск, 1988.
8. Барг М. А. «Идеальные типы» М. Вебера и категория «классическое» в марксистском историизме // Вопросы философии. — 1986. — № 7.
9. Шемякин Я. Г. Проблема цивилизации в советской научной литературе 60-80-х годов // История СССР. — 1991. — № 5.
10. Барг М. А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования // История СССР. — 1991. — № 5.
11. Гудожник Г. С. Формации или цивилизации? Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. — 1989. — № 10.
12. Васильев Л. С. Всемирно-исторический процесс: Концептуальный анализ // Преподавание истории в школе. — 1993. — № 3.
13. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. — 1989. — № 3-4.